

Социальная мобильность выпускников вузов: какие траектории ведут наверх?

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-80-102

Розенфельд Наталья Яковлевна – мл. науч. сотр., аспирант Центра развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ, ORCID: 0009-0009-6816-4208, Researcher ID: JMR-1729-2023, nrozenfeld@hse.ru

Мальцева Вера Андреевна – канд. экон. наук, доцент, директор Центра развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ, ORCID: 0000-0001-7555-2350, Researcher ID: R-9316-2016, vamaltseva@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Адрес: 101000, г. Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10

Аннотация. В настоящей работе на данных лонгитюда НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии» исследована связь траекторий выпускников университетов с шансами на социальную мобильность. Авторы оценили, какие характеристики пройденного пути в образовании и на рынке труда к 25 годам связаны с движением вверх по социальной лестнице. Используя модель достижения социального статуса П. Блау и О. Данкана, проведён путевой анализ перемещения из предписанного семейного статуса в достигнутый индивидуальный статус. Для оценки статуса применялись две метрики: субъективный социальный статус и материальное положение.

Выпускники к 25 годам чаще всего воспроизводят родительский статус, при этом большинство воспроизводит средний статус, как по оценке субъективного социального статуса, так и по материальному положению. Шансы на восходящую мобильность значимо выше у выпускников вузов, которые к 25 годам успели накопить наибольший опыт работы. При этом окончание магистратуры и длительное обучение, не позволяющее полноценно вовлекаться в работу, оказалось фактором риска для сохранения предписанного статуса. Также зафиксировано проявление социально-экономического и гендерного неравенства: выпускники-мужчины и выходцы из более образованных семей имеют значимо большие шансы на восходящую социальную мобильность. В итоге именно факторы, не связанные с образованием (работа и социально-демографические факторы), оказались значимы для успешности выпускников с точки зрения социальной мобильности.

Ключевые слова: высшее образование, социальная мобильность, субъективный социальный статус, материальное положение, образовательно-карьерные траектории, опыт работы, магистратура

Для цитирования: Розенфельд Н.Я., Мальцева В.А. Социальная мобильность выпускников вузов: какие траектории ведут наверх? // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 12. С. 80–102. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-80-102.

Social Mobility of University Graduates: Which Pathways Lead Upwards?

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-80-102

Natalia Ya. Rosenfeld – Junior Researcher, PhD Student of the Centre for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, ORCID: 0009-0009-6816-4208, Researcher ID: JMR-1729-2023, nrozenfeld@hse.ru

Vera A. Maltseva – Cand. Sci. (Economics), Associate Professor and Director of the Centre for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, ORCID: 0000-0001-7555-2350, Researcher ID: R-9316-2016, vamaltseva@hse.ru,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Address: 16 Potapovsky lane, bld. 10, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. At the present work using data from the longitudinal study of the National Research University Higher School of Economics “Trajectories in Education and Careers”, authors studied the relationship between the trajectories of university graduates and their chances for social mobility. Authors assessed, which characteristics of the path taken in education and the labor market by the age of 25 are associated with upward mobility. Using Blau and Duncan’s status attainment model, the movement from prescribed family status to attained status was analyzed. Two measures were used to assess status: subjective social status and financial status.

Graduates by age 25 were most likely to have reproduced parental status, with the majority reproducing middle status, as measured by both subjective social status and financial status. The chances of upward mobility were significantly higher for university graduates who had had time to accumulate the most work experience by age 25. At the same time, the completion of a Master’s degree and prolonged studies, which do not allow for full-time employment, proved to be a risk factor for maintaining the prescribed status. Socio-economic and gender inequalities were also observed: male graduates and those from more educated families had significantly higher chances of upward social mobility. As a result, it was factors unrelated to education (work and socio-demographic factors), that proved to be significant for the success of graduates.

Keywords: higher education, social mobility, perceived social status, financial situation, education and labor market pathways, work experience, Master’s degree

Cite as: Rosenfeld, N.Ya., Maltseva, V.A. (2024). Social Mobility of University Graduates: Which Pathways Lead Upwards? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 12, pp. 80-102, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-80-102 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Образованию как институту традиционно приписывается роль канала вертикальной социальной мобильности [1]. Например, на

уровне индивида получение диплома о высшем образовании означает повышение жизненных шансов на совершение межпоколенческого и/или внутрipoколенческого перемещения

вверх по социальной лестнице. В России в молодёжной когорте 25–34 лет обладателей диплома вуза уже более 39% [2]. В таких условиях массовизации позволяет ли высшее образование стать успешным с точки зрения продвижения по социальной лестнице?

Исследования показывают¹, что окончание вуза во многих развитых странах уже не гарантирует занятия определённых социальных позиций [3]. В современной молодёжной когорте в России образование впервые перестаёт блокировать вход в средний класс; ключевую роль в этом отношении начинает играть уровень дохода [4]. Однако индивиды воспринимают себя и своё окружение через более широкий набор аспектов жизни (уровень потребления, уровень образования, профессия, должность, место жительства и др.), что отодвигает материальную составляющую на второй план [5]. Более того, в условиях дивергенции образовательной и доходной мобильности дополнительно возрастает роль нематериальных и субъективных аспектов социальной стратификации [6; 7].

Многочисленные эмпирические исследования показывают наличие связи между образовательно-карьерными траекториями выпускников и успешностью на рынке труда. Например, в результате разного образовательного и карьерного опыта отличается прибавка к заработной плате [8–10]. Однако остаётся менее изученной связь образовательно-карьерных траекторий с вероятностью выпускников совершить индивидуальную социальную мобильность, в особенности субъективную (см. например [11]). С одной стороны, траектории демонстрируют социальную укоренённость и зависимость от предыдущих этапов жизненного пути [12], с другой – могут выступать механизмом преодоления колеи и инструментом восходящей социальной мобильности [13].

С вероятностью социальной мобильности связаны отдельные характеристики образовательно-карьерных траекторий:

продолжительность образования и разнообразные стратегии его получения [11], а также совмещение учёбы с работой [9]. Помимо оценки связи отдельных характеристик образования и карьеры с шансами на мобильность, становится всё более актуальным использование траекторного подхода в логике концепции жизненного курса, когда анализируются и отслеживаются все изменения в жизненном маршруте [13; 14]. Этот подход, например, позволяет измерить нелинейность траектории, то есть отклонение от конвенционально гладкого продвижения школа–вуз–постоянная работа [15], и проанализировать её связь с мобильностью.

В этой статье, основываясь на данных десяти волн лонгитюда НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии», авторы исследуют образовательно-карьерные траектории недавних выпускников российских вузов в контексте индивидуальной социальной мобильности. Исследование направляется вопросом: какие характеристики образовательно-карьерных траекторий выпускников вузов ведут в статусное воспроизводство, а какие – в восходящий паттерн мобильности?

Для ответа на поставленный вопрос авторы используют подход П. Блау и О. Данкана (1967) [16] к оценке индивидуальной социальной мобильности через путевой (траекторный) анализ достижения социального статуса. В этом случае мобильность представляет собой перемещение из предписанного (семейного) статуса в достигнутый индивидуальный статус. Для оценки социального статуса в работе использовались две метрики: материальное положение и субъективный социальный статус [17]. При помощи регрессионных моделей авторы оценили вероятность восходящей мобильности (повышение предписанного статуса) и воспроизводства статуса у 25-летних выпускников университетов в зависимости от характеристик их образовательно-карьерных траекторий.

¹ Отчёт Организации экономического сотрудничества и развития: OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. Paris: OECD Publishing, 2018. DOI: 10.1787/9789264301085-en

Таким образом, работа проливает свет на неоднородность успешности выпускников вузов с точки зрения социальной мобильности и на её связь с характеристиками образовательно-карьерных траекторий. С одной стороны, авторы картируют траектории высокообразованной молодёжи, определяя характеристики, ведущие вверх и вниз по социальной лестнице. С другой, — эта работа развивает многомерный подход к измерению социальной мобильности и проблематизирует зазор между материальным аспектом социального положения и субъективным восприятием статуса.

Обзор литературы

Социальная мобильность: подходы к измерению

Существует богатая традиция измерения индивидуальной и групповой социальной мобильности в социологической [5] и экономической литературе [18]. Например, экономисты часто основывают измерение социальной мобильности на оценке шансов перехода детей из одной доходной группы в другую, то есть измеряют доходную мобильность, в том числе внутри- и межпоколенческую [18–20]. Другие подходы к измерению мобильности, чаще всего используемые социологами, включают оценку квалификационной, профессиональной и образовательной мобильности. Оценка социального статуса и мобильности через иерархию профессий, должностей и квалификаций может быть не сопоставима между странами и/или поколениями из-за институциональных различий [21; 3]. В свою очередь, измерение исключительно образовательной мобильности в условиях массовизации третичного образования ведёт к преувеличенным оценкам восходящей мобильности из-за улучшения доступа к образованию детей из наименее образованных семей [4]. Для более точного

различения изменения статуса в условиях одинаково высокого уровня образования у детей и родителей [3] нужны иные метрики².

Другой традицией в стратификационных исследованиях является оценка субъективной социальной мобильности (см. подробнее [11]). Оценка субъективной мобильности не улавливает «объективные» перемещения индивида в разных социальных иерархиях, но отражает его собственные представления об этих перемещениях. В субъективной оценке человек комплексно учитывает понесённые затраты, ожидания и полученный результат [3]. Субъективное восприятие социального статуса более стабильно и теснее связано с благополучием, чем объективное социально-экономическое положение [17]. Кроме того, субъективная оценка мобильности преодолевает проблему выделения актуальных сегодня «критериев жизненного успеха», поэтому является хорошей репрезентацией фактической ситуации [5].

Модель достижения социального статуса и траектории

В данной работе, чтобы связать образовательно-карьерную траекторию с индивидуальной социальной мобильностью выпускников, авторы опираются на модель достижения статуса П. Блау и О. Данкана (1967) [16]. Эта модель представляет собой путевой анализ образовательно-профессиональной траектории индивида. Отправной точкой для индивида является предписанный статус семьи, то есть позиция родительской семьи в стратификации, основанная на их уровне образования и рода занятий. Далее путевой анализ охватывает изменение уровня образования и работы индивида. Конечной точкой (достигнутым статусом) является позиция на рынке труда (чаще всего, престижность работы).

Следуя модели Блау и Дункана, авторы вычисляют различия между отправной точ-

² Сайт Организации экономического сотрудничества и развития: OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. URL: https://www.oecd.org/en/publications/broken-elevator-how-to-promote-social-mobility_9789264301085-en.html (дата обращения: 09.10.2024).

кой (статусом родителей) и достигнутым статусом выпускников, используя две метрики статуса: материальное положение и комплексную субъективную оценку статуса. Вычисленное различие между предписанным и достигнутым статусом операционализируется как индивидуальная социальная мобильность (в данном случае – по материальному положению или по субъективному социальному статусу). Включение в исследование двух методов измерения мобильности (по материальному положению и субъективному социальному статусу) обогащает результаты, позволяя зафиксировать и проблематизировать зазор между ними.

Логика путевого анализа, заложенная в модель достижения статуса Блау и Дункана, реализована в этой работе через учёт опыта образования и работы выпускников при помощи траекторного подхода. Такой подход учитывает и переходы в образовании и профессии, и время их совершения. Так, значимость времени переходов заключается в возможности дифференциации разных по содержанию траекторий, которые привели к одной конечной точке. Например, становится возможно различить индивидов, которые поступали в вуз в разное время после окончания школы [18].

Характеристики траекторий как факторы мобильности

Рассмотрим характеристики образовательно-карьерных траекторий молодёжи, которые могут дифференцировать шансы на индивидуальную социальную мобильность. Это – путь в высшее образование, продолжительность обучения, продолжительность опыта работы и степень нелинейности траектории.

Окончание магистратуры и получение более высокой квалификации даёт объективные преимущества на рынке труда (прибавка к заработной плате относительно бакалавров [22]), а также воспринимается выпускниками как более трудоёмкий путь, заслуживающий большую отдачу [3]. С другой сто-

роны, длительное обучение без учёта полученной за это время квалификации не всегда может вести в восходящую мобильность. Например, среди выпускников высшего образования немало тех, кто до вуза окончил организации среднего профессионального образования (СПО) на базе 9 классов, то есть учились дольше, чем сверстники, последовавшие по пути 11 классов–вуз [9; 23], однако их результаты на рынке труда ниже. С другой стороны, среди выпускников вузов с дипломом СПО больше студентов первого поколения, что связано с большей вероятностью повышения предписанного (семейного) статуса [24].

В условиях массовизации высшего образования и снижения сигнальной функции диплома вуза [25] на первый план выходит опыт работы [26]. Практика совмещения учёбы с работой является массовой в российском студенчестве – более половины бакалавров начинают работать ещё во время учёбы [9]. Совмещение даёт выпускникам преимущество в виде зарплатной «премии» за накопленный человеческий капитал [8]. Однако совмещение может и не принести преимуществ при выходе на рынок труда после окончания, если совмещение было не по специальности, и негативно сказаться на успеваемости, в случае избыточно интенсивной рабочей занятости [29].

Другой характеристикой траекторий является их «гладкость», или линейность, то есть соответствие стандартному маршруту школа–вуз–постоянная работа. Соответственно, более разнообразная или прерывистая траектория является нелинейной. Нелинейность траекторий неоднозначно связана со статусом и мобильностью, так как может быть вынужденной или намеренной. С одной стороны, нелинейность часто вызвана нестабильностью на рынке труда, когда человек вовлекается во временную работу, становится неактивным или ищет новую работу [28; 29]. С другой стороны, нелинейные траектории может выбирать молодёжь из привилегированных групп:

целенаправленно отступать от линейного пути и конструировать уникальную траекторию за пределами конвенций, например, о ценности работы на полный рабочий день в офисе [15; 28; 30].

Социально-демографические характеристики также связаны с шансами на мобильность. В гендерном разрезе проявляется следующая специфика [31; 13]. Женщины заняты в отраслях и на рабочих местах с более низкой оплатой труда [32], а из-за большего вовлечения в домашнюю работу и заботу о членах семьи [33] женские траектории более нелинейные [34]. Однако при прочих равных женщины более удовлетворены своей работой по сравнению с мужчинами [35]. Это говорит о потенциальном зазоре между социальным статусом женщин по материальному положению и субъективным социальным статусом. Первые годы родительства сопряжены со специфическими паттернами в образовании и на рынке труда также преимущественно у женщин: неактивностью на рынке труда в период декретного отпуска и сменой формата работы (например, переход на частичную занятость) [36; 37].

Наконец с шансами на социальную мобильность связан социально-экономический статус (СЭС) индивида. Семьи с высоким уровнем СЭС готовы к большим инвестициям в образование, что позитивно сказывается на успеваемости детей [38]. Статус семьи также воздействует на траекторию через «символический горизонт», задавая границу образовательных и профессиональных притязаний ребёнка [39; 40]. Поэтому дети из семей с более низким СЭС чаще выбирают менее рискованный путь [41; 42] и поступают в учреждения среднего профессионального образования или неселективный вуз [43]. В результате выпускники вузов с одинаковой успеваемостью имеют разный уровень трудовых доходов в зависимости от их СЭС [44]. Поэтому в работах, использующих модель достигнутого статуса Блау и Данкана, статус семьи не только является отправной

точкой путевого анализа, но и выступает в качестве предиктора достигнутого статуса индивида [16].

Методология

Выборка

Исследование основано на десяти волнах лонгитюдного когортного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП). ТрОП берёт начало в 2011 г., когда для участия в PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) была отобрана национально репрезентативная панель восьмиклассников 1995-1996 гг. рождения, которые в дальнейшем стали участниками международного исследования TIMSS и с 2012 г. опрашиваются ежегодно о процессе формирования их образовательных и карьерных траекторий. Последняя доступная волна ТрОП – десятая, проведённая летом 2021 г.

Используемая выборка ограничивается респондентами, имевшими на момент последнего опроса высшее образование. Их доля в выборке выше, чем в генеральной совокупности из-за предрасположенности людей с высоким уровнем образования к положительному самоотбору и лучшей выживаемости в лонгитюдных исследованиях. Однако данное смещение не является ограничением для исследования, которое фокусируется исключительно на анализе выпускников вузов. Итоговую выборку составили 1458 наблюдений, которые позволяют проследить десятилетние образовательно-профессиональные траектории, с учётом восполнения пропущенных значений для тех, кто проходил службу в ВС РФ или пропустил одну волну исследования (Табл. 1).

Методика анализа образовательно-профессиональных траекторий

Для исследования траекторий используется анализ последовательностей (секвенциальный анализ) смен состояний [14; 46]. Последовательности составлены из ежегодных состояний выпускников вузов

Таблица 1

Выборка исследования, 10-я волна ТрОП

Table 1

Research sample, the 10th wave of Trajectories in Education and Profession' study

Характеристика респондентов	Респонденты	
	чел.	%
Всего:	3560	100
Высшее образование,	1779	50
в т. ч. подвыборка для анализа траекторий	1458	82

в образовании и на рынке труда³. В каждой волне отмечалось, работал респондент или обучался. Если обучался, то на каком уровне – среднего профессионального или высшего образования. Если респондент одновременно являлся студентом и работал, ему присваивалась отметка совмещения работы с учёбой в колледже или в вузе. Если респондент не учился и не работал, он маркировался как безработный или неактивный на рынке труда.

В результате вышеописанной кодировки для каждого респондента была составлена цепочка из 10 ежегодных состояний в формате 1-1-1-3-3-7-7-4-5-5 (школа–школа–школа–вуз–вуз–совмещение–совмещение–временная работа–постоянная работа–постоянная работа).

На основе полученных цепочек траекторий были определены переменные, соответствующие характеристикам траекторий: 1) продолжительность опыта работы, в том числе совмещения учёбы с работой; 2) факт окончания колледжа; 3) факт окончания магистратуры; 4) степень нелинейности траектории.

Существует ряд метрик, измеряющих нелинейность траекторий: их энтропию, предсказуемость, гладкость переходов между отдельными состояниями и жизненными этапами [46]. Авторы используют одну из таких метрик – индекс турбулентности, вычисляемый в программной среде *R* при помощи функции *TraMineR*. Индекс турбулентности

комплексно измеряет сложность индивидуальной траектории, учитывает количество переходов между различными состояниями и их непредсказуемость [47]. Показатель измеряется от 0 до 1, где значение 0 получит человек, который находился в одном состоянии на протяжении всей траектории, а 1 – тот, который каждый год менял своё состояние, и наступление каждого последующего состояния было нестандартным относительно остальной выборки.

Для данной выборки показатель нелинейности варьируется от 0,31 до 0,96. Минимум не находится в нуле, так как все респонденты оканчивали школу и переходили в другое состояние в образовании или на рынке труда, поэтому минимальное значение имеет респондент, который после окончания 11 классов поступил в вуз и обучался там без совмещения с работой всё оставшееся время. Представитель максимально нелинейной траектории после 9-го класса поступил в колледж и ни один год не оставался в одном состоянии, то устраиваясь на работу, то увольняясь.

Измерение социальной мобильности

В основе оценки субъективной социальной мобильности в данной работе лежит шкала «социальной лестницы», традиционно используемая в исследованиях для оценки субъективного социального статуса [48]. Итоговый (достигнутый) статус респондента определялся в последней доступной волне ТрОП в 2021 г. (респондентам по 25 лет, 10-я

³ Учёба в школе, ссузе, вузе; совмещение работы и учёбы в ссузе, вузе; временная, постоянная работа; безработица, неактивность.

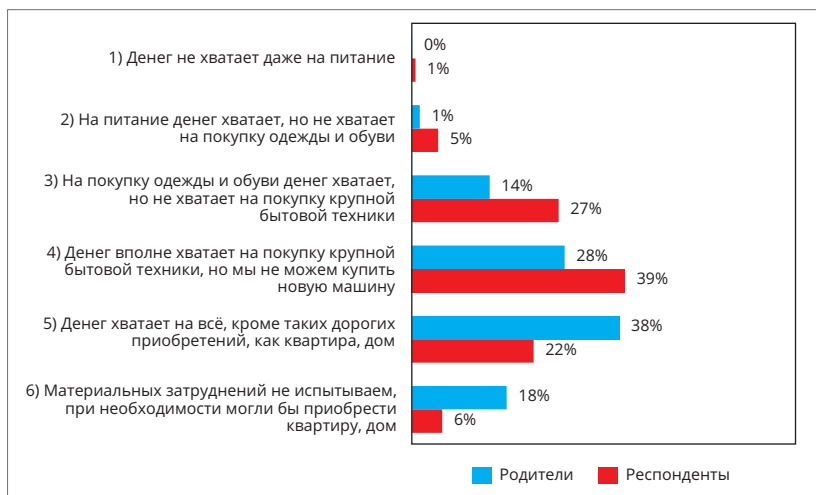

Рис. 1. Распределение ответов выпускников вузов на вопрос о материальном положении ($N=1239$), %
 Fig. 1. Distribution of university graduates' responses to the question about financial status ($N=1239$), %

волна)⁴. Изначальный (предписанный) семейный статус определялся ретроспективно по вопросу также в 10-й волне. Десятибалльные шкалы для оценки статусов респондентов и их родителей были упрощены до трёх групп на основе распределения ответов по терциям: низкий (1–4 ступени), средний (5–6) и высокий (7–10) социальный статус. Разница между семейным статусом и статусом респондента позволила субъективно оценить изменение статуса. Если статус респондента был выше родительского, такой паттерн мобильности был определён как восходящий, и наоборот для нисходящего. Если статусы совпадали (например, высокий родительский статус и высокий статус респондента), такой паттерн определялся как статусное воспроизводство.

В качестве другой метрики социального статуса и оценки мобильности по материальному положению была выбрана переменная материального положения, имеющая шестибалльную шкалу (Рис. 1), которая была из-

мерена в 2013 г. и повторно в 2021 г. В 2013 г. 96% респондентов жили с родителями, поэтому тем самым было измерено материальное положение родительской семьи (предписанное положение). Поскольку в 2021 г. уже 76% респондентов жили отдельно от родителей, ответ на вопрос о материальном положении соответствует достигнутому статусу респондента.

Чтобы унифицировать подход к измерению субъективной социальной мобильности и мобильности по материальному положению, шесть уровней материального положения были также разделены на три группы (низкий–средний–высокий статус). Для того, чтобы выровнять оценки родительского материального положения и собственного положения выпускников (родители находились в более зрелом возрасте, а значит, имели более продолжительный опыт), авторы сдвинули порог среднего статуса в соответствии с долей респондентов, выбравших определённый уровень матери-

⁴ Вопросы звучали так: «В нашем обществе есть люди, которые преуспевают в жизни, имеют высокое общественное положение, а есть те, кто занимает низкое общественное положение. Представьте это в виде лестницы, где на высшей, десятой ступени стоят люди с самым высоким положением, а на нижней, первой ступени – с самым низким общественным положением. Как Вы думаете... на какой из десяти ступеней находитесь сегодня Вы лично? На какой из десяти ступеней находилась Ваша семья, когда Вы учились в школе?»

ального положения: для родителей средний статус не позволяет купить только квартиру/дом (5-й уровень), а для детей средний статус не позволяет купить машину (4-й уровень). В итоге средний статус по материальному положению для респондентов соответствует 4-му уровню, для родителей респондентов – 5-му. Материальное положение ниже указанного объединено в низкий статус, а более высокое – в высокий статус. В результате, анализ проводится с использованием трёх паттернов мобильности: воспроизводство статуса, восходящая и нисходящая мобильность.

Оценка шансов на мобильность в зависимости от характеристик траектории

Для определения значимых для социальной мобильности характеристик образовательно-карьерных траекторий выпускников вузов, были построены две мультиномиальные регрессии. Они моделировали шансы на поддержание социального статуса и восходящий паттерн социальной мобильности относительно нисходящей – отдельно для субъективной социальной мобильности и мобильности по материальному положению.

Зависимую переменную составляют три типа мобильности: воспроизводство, восходящая мобильность и нисходящая в качестве базовой категории. В качестве предикторов в модель включены бинарные переменные окончания СПО и магистратуры, наличия детей у респондента и высшего образования у обоих родителей, пола, а также метрические показатели нелинейности траектории и опыта работы.

Результаты

Распределение выпускников вузов по паттернам мобильности

Большинство выпускников (Рис. 2) сохранили предписанный (родительский) социальный статус (46% по материальному положению, 57% по субъективному статусу), чаще всего средний (25% и 23%, соответственно). Восходящую мобильность к 25 годам (по обеим оценкам) совершили около

четверти выпускников вузов. В целом выпускники реже изменяют предписанный семейный статус или воспроизводят высокий. Эти результаты соответствуют дискуссиям о том, что институт высшего образования всё меньше работает как социальный лифт и скорее является каналом воспроизводства среднего класса [3], а само распределение по паттернам мобильности в целом соответствует ранее проведённым исследованиям социальной структуры в стране [7].

Измеренное через материальное положение перемещение из предписанного в достигнутый статус показывает контрастные результаты. Выпускники разделяются на «успешных», совершивших рывок с точки зрения уровня потребления, и «неуспешных» – тех, кто либо не смог, либо ещё не успел к 25 годам достичь и превысить уровень материального благополучия родителей. В свою очередь распределение выпускников по паттернам мобильности на основе изменения субъективного социального статуса менее контрастно и демонстрирует тяготение большинства выпускников к воспроизводству предписанного статуса. Особенно заметный разрыв отмечается в воспроизводстве высокого статуса: по оценке субъективного статуса в этом паттерне находится 15% выпускников против 5% по оценке материального положения. Это говорит в пользу комплексности метрики субъективного социального статуса и важности её использования наряду с устоявшимися «объективными» метриками статуса.

Характеристики образовательно-карьерных траекторий, ведущие вверх

По данным описательной статистики (Табл. 2), выпускники, совершившие восходящую мобильность (по субъективному статусу и по материальному положению), имели более продолжительный опыт работы и немного более высокий уровень нелинейности траектории. Другая закономерность фиксируется в более эксклюзивных образовательных траекториях, предполагающих обучение в магистратуре и в селективных ву-

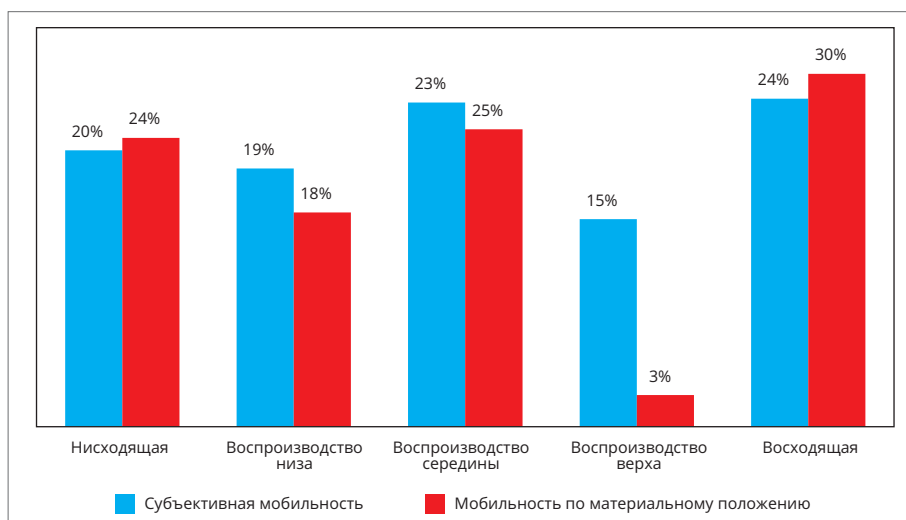

Рис. 2. Распределение паттернов мобильности среди выпускников вузов: субъективная мобильность и мобильность по материальному положению, %

Fig. 2. Distribution of mobility patterns among university graduates: subjective mobility and mobility by material status, %

Таблица 2

Характеристики образовательно-карьерных траекторий выпускников вузов в зависимости от паттерна мобильности: описательная статистика

Table 2

Characteristics of educational and career trajectories of University graduates depending on the mobility pattern: descriptive statistics

Характеристика траектории	Паттерн мобильности					
	субъективный			по материальному положению		
	нисход.	воспр.	восход.	нисход.	воспр.	восход.
Продолжительность опыта работы, включая период совмещения учёбы и работы, годы	3,46 [0; 7]*	3,61 [0; 8]	4,05 [0; 7]	3,63 [0; 7]	3,66 [0; 8]	3,93 [0; 7]
Нелинейность траектории (шкала от 0 до 1)	0,59 [0,31; 0,87]	0,59 [0,31; 0,93]	0,6 [0,31; 0,96]	0,59 [0,35; 0,93]	0,59 [0,31; 0,79]	0,6 [0,35; 0,96]
Законченная магистратура, %	33,6	24,6	27,4	29,1	27,1	25,5
Законченное СПО, %	8	11,5	11,1	11,9	9,9	10,8
Селективный вуз в бакалавриате/специалитете**, %	31,8	27,8	27,6	27,3	29,5	28
Контрольные переменные						
Пол – мужчина, %	38,8	36,3	42	32,5	37	40,1
Высшее образование у обоих родителей, %	45	31,5	27,4	38,4	29,9	31,4
Наличие детей, %	10,4	14,9	13,7	13,9	11,6	15,7

Примечание: * в скобках указано минимальное и максимальное значение; ** 270 пропущенных значений – (19% от выборки).

Note: * the minimum and maximum values are indicated in parentheses; ** 270 missing values – (19% of the sample).

Таблица 3

Вероятность воспроизводства или повышения социального статуса выпускников вузов в зависимости от характеристик образовательно-карьерной траектории (отношение шансов)

Table 3

The probability of reproduction or increase in University graduates social status depending on the characteristics of the educational-career trajectory (odds ratio)

Характеристика траектории	Паттерн мобильности			
	субъективный		по материальному положению	
	воспр.	восход.	воспр.	восход.
Опыт работы	1,054	1,285***	1,026	1,151**
	<i>0,047</i>	<i>0,056</i>	<i>0,05</i>	<i>0,055</i>
Нелинейность траектории	0,637	1,466	0,188	0,76
	<i>1,125</i>	<i>1,355</i>	<i>1,175</i>	<i>1,298</i>
Законченная магистратура (базовая категория – без магистратуры)	0,721**	0,885	0,888	0,871
	<i>0,155</i>	<i>0,184</i>	<i>0,166</i>	<i>0,183</i>
Законченное СПО (базовая категория – без СПО)	1,152	0,861	1,068	0,908
	<i>0,259</i>	<i>0,304</i>	<i>0,257</i>	<i>0,28</i>
Пол (базовая категория – женщина)	0,964	1,237	1,27	1,44**
	<i>0,143</i>	<i>0,167</i>	<i>0,152</i>	<i>0,165</i>
Высшее образование у обоих родителей (базовая категория – хотя бы у одного нет высшего образования)	1,656***	2,103***	1,493***	1,351*
	<i>0,143</i>	<i>0,174</i>	<i>0,153</i>	<i>0,168</i>
Наличие детей (базовая категория – нет детей)	1,363	1,326	0,772	1,135
	<i>0,22</i>	<i>0,255</i>	<i>0,216</i>	<i>0,225</i>
Количество наблюдений	1458		1239	
Псевдо R ² Нагелькерке	0,05		0,026	

Примечание: курсивом указаны стандартные ошибки; * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001.

Note: Standard errors are indicated in italics; * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001.

зах: магистры и выпускники селективных вузов чаще находятся в нисходящем паттерне мобильности, чем их сверстники из базовых траекторий. Выпускники СПО, совершившие переход в высшее образование, чаще оценивают свой социальный статус равным родительскому или выше, чем выпускники, поступившие в вуз после старшей школы. Это может быть связано с успешной реализацией образовательных притязаний выше первоначальных ожиданий семьи. Также такие выпускники могут высоко оценивать собственный статус, так как прошли более продолжительный и сложный путь в высшее образование. Однако среди выпускников вузов, ранее окончивших СПО, больше тех,

кто ухудшил своё материальное положение относительно родительского. Это может объясняться более продолжительным получением высшего образования, а значит, более поздним устройством на высокооплачиваемые рабочие места.

Для получения комплексных и надёжных выводов о том, как характеристики образовательно-карьерных траекторий связаны с шансами на мобильность, рассмотренные характеристики вместе с контрольными переменными⁵ были включены в мультиномиальные регрессии (Табл. 3).

Среди характеристик траектории значимым предиктором восходящей социальной мобильности является опыт работы, вклю-

⁵ Исключение составляет переменная селективности вуза, поскольку имеет большое число пропущенных значений и снижает качество модели.

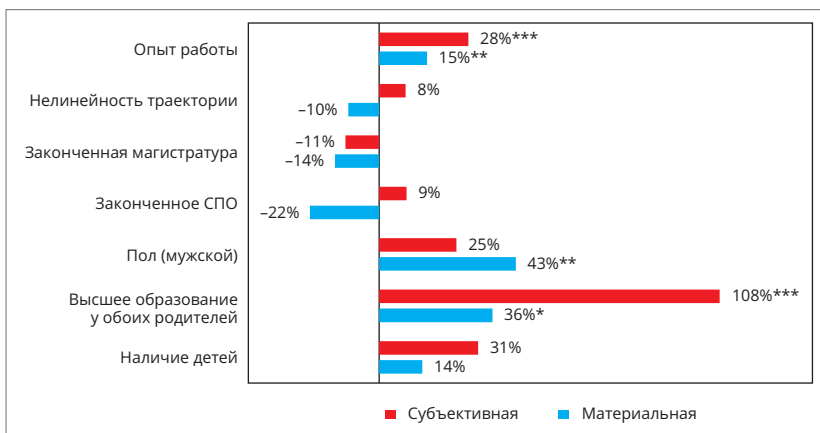

Рис. 3. Шансы на субъективную и материальную восходящую мобильность выпускников вузов, %

Fig. 3. Opportunities for subjective and material upward mobility of University graduates, %

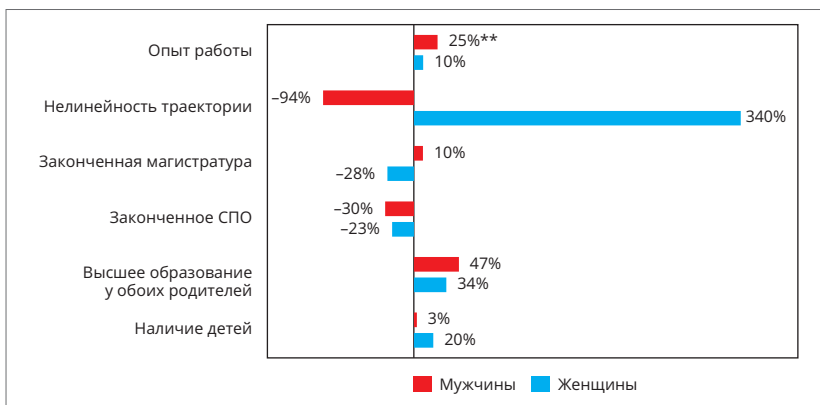

Рис. 4. Шансы на восходящую мобильность по материальному положению выпускников вузов отдельно для мужчин ($N=456$, псевдо $R^2=0,057$) и женщин ($N=783$, псевдо $R^2=0,020$), %

Fig. 4. Progress opportunities by financial status of University graduates separately for men ($N=456$, pseudo $R^2=0,057$) and women ($N=783$, pseudo $R^2=0,020$), %

чающий период совмещения учёбы и работы (Рис. 3). Каждый дополнительный год опыта работы повышает шансы выпускников на восходящую мобильность по материальному положению на 15%, и почти на 30% растут шансы подняться вверх по лестнице субъективного социального статуса. При этом для воспроизводства социального статуса и поддержания материального положения опыт работы оказывается незначимым.

Характеристики образовательной траектории (наличие диплома СПО, диплома магистра), а также нелинейность образова-

тельно-карьерной траектории не показали значимой связи с шансами на мобильность. В то же время выявлена взаимосвязь между наличием магистерской степени и субъективным воспроизводством социального статуса. Шансы выпускников магистратуры на воспроизводство статуса меньше на 30%, чем для их сверстников со схожими другими характеристиками (нелинейность траектории, опыт работы, СЭС, пол, наличие детей).

Среди индивидуальных характеристик молодёжи сильнее всего связь с мобильностью наблюдается с образованием родите-

лей. Наличие высшего образования у обоих родителей почти в 1,5 раза повышает шансы как на субъективное воспроизводство социального статуса, так и на воспроизводство материального положения и в 2 раза повышает шансы на восходящую мобильность по материальному положению. При прочих равных (все респонденты получили высшее образование) у выходцев из более образованных семей больше шансов на успешную траекторию в терминах социальной мобильности.

В шансах на восходящую мобильность по материальному положению выявлена гендерная специфика – для мужчин шансы на мобильность выше практически в 1,5 раза. Для более точной оценки гендерных различий в характеристиках траекторий, связанных с социальной мобильностью, была проведена оценка регрессионных моделей на двух подвыборках (мужчины и женщины) (Рис. 4), в которых моделировалась восходящая мобильность по материальному положению. В то время как для выпускниц вузов не было обнаружено значимых факторов для повышения материального положения, для мужчин повышение материального положения связано с большим опытом работы.

Дискуссия

Высшее образование и мобильность: сохранение статус-кво

В этом исследовании авторы оценивали успешность траекторий выпускников высшего образования с позиции социальной мобильности. Используя модель Блау и Данкана, авторам удалось отследить перемещения выпускников из предписанного в достигнутый социальный статус к 25 годам, увязав эти изменения с пройденной траекторией в образовании и на рынке труда.

Большинство выпускников вузов к 25 годам воспроизвели социальный статус родителей, как по субъективному социальному статусу, так и по материальному положению. Таким образом, достигнутый статус оказался равен предписанному для многих

выпускников, при этом подавляющее большинство из них воспроизвели именно средний статус. Это соотносится с выводами из исследований мобильности в России, которые отмечают, что, по большей части, профессиональная структура воспроизводится между поколениями. Так, с 2009 г. стабильно 2/3 населения воспроизводит статус предыдущего поколения [8]: особенно сильно это заметно для низшего и среднего класса [49]. Таким образом, полученные результаты пересекаются с выводами о том, что высшее образование в России скорее служит воспроизводству среднего класса, чем достижению высокого [3; 50], что может быть связано с сохранением социально-экономического неравенства в доступе к качественному образованию [43] в условиях роста охвата высшим образованием в 2000–2010 гг.

Работа ведёт наверх, а длительная учёба – вниз?

Наиболее успешными с точки зрения как субъективной мобильности, так и мобильности по материальному положению оказываются траектории выпускников, которые к 25 годам имели наибольший опыт работы. Опыт накапливался не только после окончания вуза, но в период совмещения учёбы и работы, что стало массовой практикой [9; 10]. Такая стратегия позволяет накапливать стаж и специфический человеческий капитал на рабочем месте [51], что результируется в зарплатной «премии» у выпускников, особенно подрабатывающих по специальности [8]. В итоге именно опыт работы, а не характеристики образовательной траектории, оказывается решающим фактором для мобильности, которая в данной работе выступает показателем успешности. Данное исследование подтверждает тезис о том, что высшее образование, сохраняя свою важность для удержания статуса, не является достаточным условием для движения наверх. Для повышения статуса нужны другие рыночные сигналы и характеристики человеческого капитала, которые приобретаются через работу (см. также [10]).

Обучение в магистратуре сопряжено с риском отставания в опыте работы из-за меньшего вовлечения в работу. Поэтому даже при условии одинаково продолжительного опыта работы, окончание магистратуры для 25-летних оказалось сопряжено с меньшими шансами на субъективное воспроеизводство социального статуса и большей вероятностью нисходящей мобильности. Этот результат отчасти противоречит исследованиям, которые показывают, что магистратура устоялась в России, а наличие диплома магистра положительно влияет на заработную плату специалиста [22]. Однако с учётом возраста выпускников в исследуемой когорте, однозначно говорить о том, что магистратура не ведёт в восходящую социальную мобильность, преждевременно. Скорее это свидетельствует о том, что дети из семей с высоким статусом, представители которых чаще продолжают постбакалаврское образование, оказываются в более длительных образовательных траекториях [52] и не успевают к 25 годам достигнуть статуса родителей⁶. С другой стороны, полученный авторами результат о магистрах среди выпускников вузов заслуживает внимания, так как указывает на внутрикогортное распределение сверстников по паттернам мобильности, которое возможно в дальнейшем отслеживать в динамике. Это позволит, например, определить, в какой момент и благодаря каким характеристикам траектории выпускники магистратуры совершат переход в паттерн восходящей мобильности и обгонят сверстников.

Слабая нелинейность траекторий: эффект группы или контекста?

Несмотря на дискурс о нарастающей нелинейности жизненных путей [30; 53] и возможных рисках для населения и особенно молодых людей, только выходящих на рынок труда, авторы не обнаружили высокого уровня нелинейности в образовательно-ка-

рьерных траекториях высокообразованной молодёжи. С одной стороны, причина может быть в среднем уровне образовательного «трекинга» в России [54], когда молодёжь распределена на два равных по объёму потока обучающихся, но разных по селективности и фокусу (академический и профессиональный) с развилкой после 9-го класса [43; 55]. С другой стороны, выборка ограничена высокообразованной молодёжью – выпускниками вузов. Хотя у высокообразованной молодёжи может наблюдаться определённая нелинейность траекторий (участие в непрерывном образовании, смена типа работы [56]), исследования, фокусирующиеся на сравнении нелинейности траекторий разных социальных групп, показывают, что представители более привилегированных групп реже следуют нелинейным траекториям [28; 29].

Помимо этого, авторы не обнаружили связь между степенью нелинейности траекторий 25-летних и оценками социальной мобильности. Используемый дизайн исследования не позволяет отделить тех, кто вынужденно имеет нелинейную траекторию, от тех, кто целенаправленно конструирует нестандартный маршрут [56]. В дальнейших исследованиях имеет смысл сфокусироваться на подгруппах выпускников вузов для углублённого изучения феномена дестандартизации жизненных путей. Это также позволит разрабатывать адресные меры по поддержке тех студентов и выпускников, для которых нелинейность траектории является вынужденной и имеет негативные эффекты.

Не только траектория: личные характеристики значимы для мобильности

Шансы на социальную мобильность моделируются социально-экономическим статусом семьи и полом. У выпускников – выходцев из более образованных семей, оказалось больше шансов на успешную траекторию в терминах социальной мобильности. С одной

⁶ Статус родителей респондентов оценивался в более взрослом возрасте (уже имели детей школьного возраста), чем достигнутый статус респондентов.

стороны, это иллюстрирует ещё одно проявление социально-экономического неравенства в образовании [57; 58] и ситуации на рынке труда [59]. Ресурсы семьи открывают доступ к более качественному образованию в селективных организациях и более квалифицированным рабочим местам и позволяют добиваться лучшего социального и материального положения. С другой стороны, это показывает, что несмотря на повышенные риски снижения статуса ввиду заведомо высокой позиции родительской семьи, именно выпускники с высоким СЭС реализуют шансы на социальный лифт.

Помимо социально-экономического неравенства в шансах на мобильность авторы фиксируют и гендерное неравенство. Шансы на мобильность по материальному положению выше у мужчин, что связано с тем, что для них больший опыт работы вознаграждается большей заработной платой. Это отчасти может объясняться тем, что выпускницы реже работали на полную ставку, заняты в менее оплачиваемых сферах и имеют более низкий уровень оплаты труда, что соответствует результатам исследований гендерного неравенства на рынке труда российских выпускников [32]. Выявленное авторами гендерное неравенство в шансах на социальную мобильность указывает на актуальность исследований его предпосылок на этапе выбора и реализации образовательной траектории [60].

Ограничения

Настоящее исследование ограничено данными одной когорты выпускников вузов, поэтому его результаты невозможно генерализовать на всех выпускников высшего образования России. Кроме того, авторы анализировали ранние профессиональные траектории выпускников, недавно вышедших на рынок труда, это налагает дополнительные ограничения на результаты по выпускникам магистратуры. Тем не менее стратификационные исследования показывают стабильность наблюдаемой социаль-

ной структуры среди молодёжи и сохранение внутрикогортного доходного неравенства в долгосрочном периоде [61]. Также для более точных выводов о мобильности с позиции достигнутого социального статуса необходимы более длительные специализированные исследования, которые бы отслеживали жизненный путь родителей и их детей в сопоставимых возрастах. Эти методические ограничения указывают не только на особенности данного исследования, но и показывают важность долгосрочного отслеживания траекторий для надёжного ответа на вопрос об их успешности и долгосрочных эффектах.

Заключение

На данных лонгитюдного исследования было изучено, какие образовательно-профессиональные траектории ведут выпускников вузов в восходящую социальную мобильность. Это исследование особенно актуально в контексте обсуждений массовизации высшего образования и его роли в качестве социального лифта. Выявлено, что опыт работы, в том числе в формате совмещения с учёбой, является наиболее значимым фактором восходящей мобильности для выпускников вузов. Таким образом, именно на рынке труда происходит доформирование человеческого капитала выпускников, который позволяет занять разные позиции в социальной иерархии.

Литература

1. Sorokin P.A. Social mobility. New York: Harper and Brothers. 1927. 559 p. URL: https://books.google.ru/books?id=9ZnZAAААМААJ&pg=PR3&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 09.10.2024).
2. Образование в цифрах: 2024. Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 132 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/969714030.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

3. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / А.В. Ваньке, Н.Ю. Васильева, З.Т. Голенкова, Ю.Б. Епихина, Е.В. Полухина и др. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с. EDN: XIQUBB.
4. Матеева С.В. Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 26. С. 158–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800
5. Многомерная социальная мобильность в современной России / Ю.Б. Епихина, Н.С. Мاستикова, И.П. Попова, Д.Ф. Терин, М.Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2018. 112 с. EDN: VNOODO.
6. Зудина А.А. Неформальная занятость и субъ-ективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. DOI: 10.17323/1726-3247-2013-3-27-63
7. Mareeva S., Slobodenyuk E., Anikin V. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? // Intersections. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 175–196. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.782
8. Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. Student employment and school-to-work transition: The Russian case // Education and Training. 2020. Vol. 62. No. 4. P. 441–457. DOI: 10.1108/ET-07-2019-0158
9. Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190
10. Рожкова К., Роцин С., Травкин П. От совмещения учёбы с работой к совмещению работы с учёбой? Изменение модели российского высшего образования // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 286–322. DOI: 10.17323/vo-2024-17242
11. Лукина А.А., Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов через призму их образовательных траекторий // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 109–124. DOI: 10.31857/S0132162524010109
12. Aisenbrey S., Fasang A. E. New Life for Old Ideas: The “Second Wave” of Sequence Analysis Bringing the “Course” Back Into the Life Course // Sociological Methods & Research. 2010. Vol. 38. No. 3. P. 420–462. DOI: 10.1177/0049124109357532
13. Monaghan D. College-Going Trajectories Across Early Adulthood: An Inquiry Using Sequence Analysis // The Journal of Higher Education. 2020. Vol. 91. No. 3. P. 402–432. DOI: 10.1080/00221546.2019.1647584
14. Чередниченко Г.А. Российская молодёжь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий). СПб.: Издательство РХГА, 2016. 392 с. EDN: WLCBZD.
15. Fasang A.E., Mayer U.K. Chapter 3: Lifecourse and social inequality // Handbook on Demographic Change and the Lifecourse. 2020. P. 22–39. DOI: 10.4337/9781788974875.00009
16. Zhou Y. Work trajectories and status attainment process: a study using sequence analysis // The Journal of Chinese Sociology. 2023. Vol. 10. Article 1. DOI: 10.1186/s40711-022-00180-3
17. Huang S., Hou J., Sun L., Dou D., Liu X., Zhang H. The Effects of Objective and Subjective Socioeconomic Status on Subjective Well-Being among Rural-to-Urban Migrants in China: The Moderating Role of Subjective Social Mobility // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Article no. 819. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00819
18. Milesi C. Do all roads lead to Rome? Effect of educational trajectories on educational transitions // Research in Social Stratification and Mobility. 2010. Vol. 28. No. 1. P. 23–44. DOI: 10.1016/j.rssm.2009.12.002
19. Розинская Н.А., Дробышевская Т.А. Количественные оценки межпоколенческой мобильности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57). С. 93–111. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6
20. Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940 // Science. 2017. Vol. 356. No. 6336. P. 398–406. DOI: 10.1126/science.aal4617
21. Chetty R., Hendren N., Kline P., Saez E. Where is the land of opportunity? The geography of intergenerational mobility in the United States // The Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 129. No. 4. P. 1553–1623. DOI: 10.1093/qje/qju022
22. Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-69-92
23. Causa O., Johansson, E. Intergenerational social mobility // OECD Economics Department

- Working Papers. 2009. No. 707. DOI: 10.1787/18151973
24. *Iversen V., Krishna A., Sen K.* Beyond Poverty Escapes – Social Mobility in Developing Countries: A Review Article // *The World Bank Research Observer*. 2019. Vol. 34. No. 2. P. 239–273. DOI: 10.1093/wbro/lkz003
  25. *Brown P., Souto-Otero M.* The End of the Credential Society? An Analysis of the Relationship between Education and the Labour Market Using Big Data // *Journal of Education Policy*. 2020. Vol. 35. No. 1. P. 95–118. DOI: 10.1080/02680939.2018.1549752
  26. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы / *Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Роцин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин* // Докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 160 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/588955762.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
  27. *Robert P., Saar E.* Learning and Working: The Impact of the “Double Status Position” on the Labour Market Entry Process of Graduates in CEE Countries // *European Sociological Review*. 2012. Vol. 28. No. 6. P. 742–754. DOI: 10.1093/esr/jcr091
  28. *Heglum M.A.* Transformed ‘postmodern’ life courses? Continuity and change in young adults’ labour market trajectories in Norway // *European Sociological Review*. 2023. P. 1–17. DOI: 10.1093/esr/jcad043
  29. *Zimmermann O., Konietzka D.* Social disparities in destandardization—changing family life course patterns in seven European countries // *European Sociological Review*. 2018. Vol. 34. P. 64–78. DOI: 10.1093/esr/jcx083
  30. *Parreira do Amaral M., Tikkanen J.* Governing the Life Course through Lifelong Learning: A Multilevel and Multidimensional View // *Societies*. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 84–84. DOI: 10.3390/soc12030084
  31. *Widmer E.D., Ritschard G.* The Destandardization of the Life Course: Are Men and Women Equal? // *Advances in Life Course Research*. 2009. Vol. 14. No. 1. P. 28–39. DOI: 10.1016/j.alcr.2009.04.001
  32. *Кирюшина М.А., Рудаков В.Н.* Роль высшего образования в формировании гендерного неравенства на рынке труда. Обзор российских и зарубежных исследований // *Вопросы образования*. 2024. № 2. С. 75–110. DOI: 10.17323/vo-2024-17588
  33. *Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // *Демографическое обозрение*. 2019 Т. 5. № 4. С. 36–65. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8662
  34. *Colley H.* Understanding time in learning transitions through the lifecourse // *International Studies in Sociology of Education*. 2007. Vol. 17. No. 4. P. 427–443. DOI: 10.1080/09620210701667103
  35. *Поплавская А.А., Соболева Н.Э.* Удовлетворённость различными аспектами работы мужчин и женщин в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. Т. 5. № 141. С. 271–288. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.15
  36. *Misra J., Strader E.* Gender pay equity in advanced countries: the role of parenthood and policies // *Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 67. No. 1. P. 27–41. DOI: <http://www.jstor.org/stable/24461670>
  37. *Cools S., Strøm M.* Parenthood wage penalties in a double income society // *Review of Economics of the Household*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 391–416. DOI: 10.1007/s11150-014-9244-y
  38. *Богданов М.Б., Малик В.М.* Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодёжи России? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. Т. 3. № 157. С. 392–421. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603
  39. *Lucas S.R.* Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. No. 6. P. 1642–1690. DOI: 10.1086/321300
  40. *Загирова Ф.Р., Романенко К.Р., Макарьева А.Ю.* «И все такие разные» Академическая неоднородность студентов: анализ, восприятие, практики // *Современная аналитика образования*. 2019. № 4 (25). С. 4–32. EDN: XNPYEF.
  41. *Breen R., van de Werfborst H.G., Jæger M.M.* Deciding under Doubt: A Theory of Risk Aversion, Time Discounting Preferences, and Educational Decision-making // *European Sociological Review*. 2014. Vol. 30. No. 2. P. 258–270. DOI: 10.1093/esr/jcu039
  42. *Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D.* Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of

- Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // *Sociology of Education*. 2018. Vol. 91. No. 3. P. 224–241. DOI: 10.1177/0038040718779087
43. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство // Современная аналитика образования. 2022. № 7 (67). URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/803809237.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
  44. Britton J., Lorraine D., Shephard N., Vignoles A. How English domiciled graduate earnings vary with gender, institution attended, subject and socio-economic background // IFS Working Papers W16/06, Institute for Fiscal Studies. 2016. URL: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/wp201606.pdf (дата обращения: 09.10.2024).
  45. Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148
  46. Symeonaki M., Stamatoopoulou G. On the Measurement of Positive Labor Market Mobility // *SAGE Open*. 2020. Vol. 10. No. 3. DOI: 10.1177/2158244020934489
  47. Ritschard G. Measuring the nature of individual sequences // *Sociological Methods & Research*. 2023. Vol. 52. No. 4. P. 2016–2049. DOI: 10.1177/00491241211036156
  48. Колегова И.Е., Рощина Я.М. Миллениалы и их родители: сравнение субъективных социальных статусов // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2021. С. 122–152. DOI: 10.19181/rlms-hse.2021
  49. Тихонова Н.Е. Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78
  50. Аузан А.А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266–287. DOI: 10.17323/1814-9545-2013-3-266-286
  51. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9–49. DOI: 10.1086/258724
  52. Hahn S. Intergenerational downward mobility in educational attainment in Germany: Summary of the main results and conclusions // *The Risk of Downward Mobility in Educational Attainment*. 2016. P. 157–169. DOI: 10.1007/978-3-658-14598-9_8
  53. Lorentzen T., Bäckman O., Ilmakunnas I., Kauppinen T. Pathways to Adulthood: Sequences in the School-to-Work Transition in Finland. Norway and Sweden // *Social Indicators Research*. 2019. Vol. 141. No. 3. P. 1285–1305. DOI: 10.1007/s11205-018-1877-4
  54. Bol T., Van de Werfborst H.G. The measurement of tracking, vocational orientation, and standardization of educational systems: A comparative approach // *AIAS, GINI Discussion Paper*. 2013. No. 81. 63 p. URL: <https://www1feb-uvu.nl/aias/81-3-3-1.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
  55. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 5. С. 76–97. EDN: YRHHFT.
  56. Kovalenko M., Mortelmans D. Does career type matter? Outcomes in traditional and transitional career patterns // *Journal of Vocational Behavior*. 2014. Vol. 85. No. 2. P. 238–249. DOI: 10.1016/j.jvb.2014.07.003
  57. Прахов И.А. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88–117. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/77gub0xl3h/147327077.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
  58. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554
  59. Duta A., Wielgoszewska B., Iannelli C. Different Degrees of Career Success: Social Origin and Graduates' Education and Labour Market Trajectories // *Advances in Life Course Research*. 2021. Vol. 47. DOI: 10.1016/j.alcr.2020.100376
  60. Малошенок Н., Щеглова И., Вилкова К., Абрамова М. Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления под-

готовки // Вопросы образования. 2022. № 3. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-149-186

61. Cheng S. A life course trajectory framework for understanding the intracohort pattern of wage inequality // *American Journal of Sociology*. 2014. Vol. 120. No. 3. P. 633–700. DOI: 10.1086/679103

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00533).

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

Принята к публикации 11.11.2024

References

1. Sorokin, P.A. (1927). *Social Mobility*. New York: Harper and Brothers. 559 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=9ZnZAAAAAMAAJ&pg=PR3&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (accessed: 09.10.2024).
2. Varlamova, T.A., Gokhberg, L.M., Zorina, O.A. (2024). *Obrazovanie v tsifrakh: 2024 : kratkii statisticheskii sbornik* [Education in Numbers: 2024 : A Short Statistical Collection] Moscow: ISIEZ VShE, 132 p. Available at: <https://isiek.hse.ru/mirror/pubs/share/969714030.pdf> (accessed: 09.10.2024) (In Russ.).
3. Vanke, A.V., Vasil'eva, N.Yu., Golenkova, Z.T., Epikhina, Yu.B., Polukhina, E.V., et al. (2017). *Sotsial'naya mobil'nost' v Rossii: pokolencheskii aspekt* [Social Mobility in Russia: Generational Aspect]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 384 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27722222_10055978.pdf (accessed: 09.10.2024) (In Russ.).
4. Mareeva, S.V. (2022). The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality. *Vestnik instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 13, no. 2., pp. 158–183, doi: 10.19181/vis.2022.13.2.800 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Epikhina, Yu.B., Mastikova, N.S., Popova, I.P., Terin, D.F., Chernysh, M.F. (2018). *Mnogomernaya sotsial'naya mobil'nost' v sovremennoi Rossii* [Multidimensional Social Mobility in Modern Russia]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 112 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36529315_63836800.pdf (accessed: 09.10.2024) (In Russ.).
6. Zudina, A.A. (2013). Informal Employment and Subjective Social Status: The Case of Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 14, no.3, pp. 27–63, doi: 10.17323/1726-3247-2013-3-27-63 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Mareeva, S., Slobodenyuk, E., Anikin, V. (2022). Support for Reducing Inequality in the New Russia: Does Social Mobility Matter? *Intersections*. Vol. 8, no. 2, pp. 175–196, doi: 10.17356/ieejsp.v8i2.782
8. Dudyrev, F., Romanova, O., Travkin, P. (2020). Student Employment and School-to-Work Transition: The Russian Case. *Education and Training*. Vol. 62., no. 4, pp. 441–457, doi: 10.1108/ET-07-2019-0158
9. Rozhkova, K.V., Roshchin, S.Yu., Solntsev, S.A., Travkin, P.V. (2023). The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 1, pp. 161–190, doi: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Rozhkova, K., Roshchin, S., Travkin, P. (2024). From Combining Study and Work to Combining Work and Study? The Changing Model of Russian Higher Education. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 286–322, doi: 10.17323/vo-2024-17242 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Lukina, A.A., Maltseva, V.A., Rozenfeld, N.Ya. (2024). Subjective Social Mobility of University Graduates. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 1, pp. 109–124, doi: 10.31857/S0132162524010109 (In Russ., abstract in Eng.).

12. Aisenbrey, S., Fasang, A. E. (2010). New Life for Old Ideas: The “Second Wave” of Sequence Analysis Bringing the “Course” Back Into the Life Course. *Sociological Methods & Research*. Vol. 38, no. 3, pp. 420-462, doi: 10.1177/0049124109357532
13. Monaghan, D. (2020). College-Going Trajectories Across Early Adulthood: An Inquiry Using Sequence Analysis. *The Journal of Higher Education*. Vol. 91, no. 3, pp. 402-432, doi: 10.1080/00221546.2019.1647584
14. Cherednichenko, G.A. (2016). *Rossiyskaya molodezh': ot obrazovaniya k trudu (na materialakh sociologicheskikh issledovaniy obrazovatel'nykh i professional'nykh traektorij)* = *Russian Youth: from Education to Work (on the materials of sociological studies of educational and professional trajectories)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo RHGA, 392 p. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Cherednichenko_ross_molod_2016.pdf (accessed: 09.10.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
15. Fasang, A.E., Mayer, U.K. (2020). Chapter 3: Lifecourse and Social Inequality. *Handbook on Demographic Change and the Lifecourse*, pp. 22-39, doi: 10.4337/9781788974875.00009
16. Zhou, Y. (2023). Work Trajectories and Status Attainment Process: A Study Using Sequence Analysis. *The Journal of Chinese Sociology*. Vol. 10, no. 1, doi: 10.1186/s40711-022-00180-3
17. Huang, S., Hou, J., Sun, L., Dou, D., Liu, X., Zhang, H. (2017). The Effects of Objective and Subjective Socioeconomic Status on Subjective Well-Being among Rural-to-Urban Migrants in China: The Moderating Role of Subjective Social Mobility. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8, pp. 1-9, doi: 10.3389/fpsyg.2017.00819
18. Milesi, C. (2010). Do All Roads Lead to Rome? Effect of Educational Trajectories on Educational Transitions. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 28, no. 1, pp. 23-44, doi: 10.1016/j.rssm.2009.12.002
19. Rozinskaya, N.A., Drobyshevskaya, T.A. (2022). Quantitative Estimates of Intergenerational Mobility. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* = *Journal of the New Economic Association*. Vol. 5, no. 57, pp. 93-111, doi: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6 (In Russ., abstract in Eng.).
20. Chetty, R., Grusky, D., Hell, M., Hendren, N., Manduca, R., Narang, J. (2017). The Fading American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940. *Science*. Vol. 356, no. 6336, pp. 398-406, doi: 10.1126/science.aal4617
21. Chetty, R., Hendren, N., Kline, P., Saez, E. (2014). Where Is the Land of Opportunity? The Geography of Intergenerational Mobility in the United States. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 129, no. 4, pp. 1553-1623, doi: 10.1093/qje/qju022
22. Rozhkova, K.V., Roshchin, S.Yu., Solntsev, S.A., Travkin, P.V. (2021). The Return to Master's Degree in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. Vol. 8, pp. 69-92, doi: 10.32609/0042-8736-2021-8-69-92 (In Russ., abstract in Eng.).
23. Causa, O., Johansson, E. (2009). Intergenerational Social Mobility. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 707, doi: 10.1787/18151973
24. Iversen, V., Krishna, A., Sen, K. (2019). Beyond Poverty Escapes—Social Mobility in Developing Countries: A Review Article. *The World Bank Research Observer*. Vol. 34, no. 2, pp. 239-273, doi: 10.1093/wbro/lkz003
25. Brown, P., Souto-Otero, M. (2020). The End of the Credential Society? An Analysis of the Relationship between Education and the Labour Market Using Big Data. *Journal of Education Policy*. Vol. 35, no. 1, pp. 95-118, doi: 10.1080/02680939.2018.1549752
26. Emelina, N.K., Rozhkova, K.V., Roshchin, S.Yu., Solntsev, S.A., Travkin, P.V. (2022). [Graduates of Higher Education in the Russian Labor Market: Trends and Challenges]. In: *XXIII Yasinskoi (April'skoi) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva* [XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development]. Mos-

- cow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 160 p. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/588955762.pdf> (accessed: 09.10.2024) (In Russ.).
27. Robert, P., Saar, E. (2012). Learning and Working: The Impact of the “Double Status Position” on the Labour Market Entry Process of Graduates in CEE Countries. *European Sociological Review*. Vol. 28, no. 6, pp. 742-754, doi: 10.1093/esr/jcr091
  28. Heglum, M.A. (2023). Transformed ‘Postmodern’ Life Courses? Continuity and Change in Young Adults’ Labour Market Trajectories in Norway. *European Sociological Review*. Pp. 1-17, doi: 10.1093/esr/jcad043
  29. Zimmermann, O., Konietzka, D. (2018). Social Disparities in Destandardization-Changing Family Life Course Patterns in Seven European Countries.. *European Sociological Review*. Vol. 34, pp. 64-78, doi: 10.1093/esr/jcx083
  30. Parreira do Amaral, M., Tikkanen, J. (2022). Governing the Life Course through Lifelong Learning: A Multilevel and Multidimensional View. *Societies*. Vol. 12, no. 3, pp. 84-84, doi: 10.3390/soc12030084
  31. Widmer, E.D., Ritschard, G. (2009). The De-Standardization of the Life Course: Are Men and Women Equal? *Advances in Life Course Research*. Vol. 14, no. 1, pp. 28-39, doi: 10.1016/j.alcr.2009.04.001
  32. Kiryushina, M.A., Rudakov, V.N. (2024). The Role of Higher Education in the Formation of the Gender Inequality in the Labor Market. A Review of Russian and International Literature. *Vo-prosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 75-110, doi: 10.17323/vo-2024-17588 (In Russ., abstract in Eng.).
  33. Kalabikhina, I.E., Shaikenova, Zh.K. (2019). An Estimation of Household Time Transfers within Households. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. Vol. 5, no. 4, pp. 36-65, doi: 10.17323/demreview.v5i4.8662 (In Russ., abstract in Eng.).
  34. Colley, H. (2007). Understanding Time in Learning Transitions Through the Lifecourse. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 17, no. 4, pp. 427-443, doi: 10.1080/09620210701667103
  35. Poplavskaya, A.A., Soboleva, N.E. (2017). Men’s and Women’s Satisfaction with Various Job Aspects in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye pereмены = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5, pp. 271-288, doi: 10.14515/monitoring.2017.5.15 (In Russ., abstract in Eng.).
  36. Misra, J., Strader, E. (2013). Gender Pay Equity in Advanced Countries: the Role of Parenthood and Policies. *Journal of International Affairs*. Vol. 67, no. 1, pp. 27-41. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24461670> (accessed: 09.10.2024).
  37. Cools, S., Strøm, M. (2016). Parenthood Wage Penalties in a Double Income Society. *Review of Economics of the Household*. Vol. 14, no. 2, pp. 391-416, doi: 10.1007/s11150-014-9244-y
  38. Bogdanov, M.B., Malik, V.M. (2020). Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye pereмены = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3, doi: 10.14515/monitoring.2020.3.1603 (In Russ., abstract in Eng.).
  39. Lucas, S.R. (2001). Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*. Vol. 106, no. 6, pp. 1642-1690, doi: 10.1086/321300
  40. Zagirova, F.R., Romanenko, K.R., Makar’eva, A.Yu. (2019). “And we are so different”. Academic Heterogeneity of Students: Analysis, Perceptions, Practices.. *Sovremennaya analitika obrazovaniya = Modern Educational Analytics*. No. 4(25), pp. 4-32. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41508927_39962136.pdf (accessed: 09.10.2024) (In Russ., abstract in Eng.).

41. Breen, R., van de Werfhorst, H.G., Jæger, M.M. (2014). Deciding under Doubt: A Theory of Risk Aversion, Time Discounting Preferences, and Educational Decision-making. *European Sociological Review*. Vol. 30, no. 2, pp. 258-270, doi: 10.1093/esr/jcu039
42. Yastrebov, G., Kosyakova, Y., Kurakin, D. (2018). Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91, no. 3, pp. 224-241, doi: 10.1177/0038040718779087
43. Malinovskii, S.S., Shibanova, E.Yu. (2022). Access to Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality. *Sovremennaya analitika obrazovaniya = Modern Educational Analytics*. No. 7(67). Available at: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/803809237.pdf> (accessed: 09.10.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
44. Britton, J., Lorraine, D., Shephard, N., Vignoles, A. (2016). How English Domiciled Graduate Earnings Vary with Gender, Institution Attended, Subject and Socio-Economic Background. *IFS Working Papers W16/06, Institute for Fiscal Studies*. Available at: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/wp201606.pdf (accessed: 09.10.2024).
45. Maltseva, V.A., Rozenfeld, N.Ya. (2022). Educational and Career Trajectories of the Russian Youth in a Longitudinal Perspective: A Case of University Graduates. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 3, pp. 99-148, doi: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148. (In Russ., abstract in Eng.).
46. Symeonaki, M., Stamatopoulou, G. (2020). On the Measurement of Positive Labor Market Mobility. *SAGE Open*. Vol. 10, no. 3, doi: 10.1177/2158244020934489
47. Ritschard, G. (2023). Measuring the Nature of Individual Sequences. *Sociological Methods & Research*. Vol. 52, no. 4, pp. 2016-2049, doi: 10.1177/004912412111036156
48. Kolegova, I.E., Roshchina, Ya.M. (2021). [Millennials and Their Parents: A Comparison of Subjective Social Statuses]. *Vestnik Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSbE [Bulletin of RLMS-HSE]*. Vol. 11, pp. 122-152, doi: 10.19181/rllms-hse.2021.3 (In Russ.).
49. Tikhonova, N.E. (2021). Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Theoretical Economics*. No. 2, pp. 61-78, doi: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78 (In Russ., abstract in Eng.).
50. Auzan, A.A. (2013). University Mission: From an Economist's Perspective. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 3, pp. 266-287, doi: 10.17323/1814-9545-2013-3-266-286 (In Russ., abstract in Eng.).
51. Becker, G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70, no. 5, pp. 9-49, doi: 10.1086/258724
52. Hahn, S. (2016). Intergenerational Downward Mobility in Educational Attainment in Germany: Summary of the Main Results and Conclusions. In: *The Risk of Downward Mobility in Educational Attainment*. Springer VS, Wiesbaden, pp. 157-169, doi: 10.1007/978-3-658-14598-9_8
53. Lorentzen, T., Bäckman, O., Ilmakunnas, I., Kauppinen, T. (2019). Pathways to Adulthood: Sequences in the School-to-Work Transition in Finland, Norway and Sweden. *Social Indicators Research*. Vol. 141, no. 3, pp. 1285-1305, doi: 10.1007/s11205-018-1877-4
54. Bol, T., Van de Werfhorst, H.G. (2013). The Measurement of Tracking, Vocational Orientation, and Standardization of Educational Systems: A Comparative Approach. *AIAS, GINI Discussion Paper*. No. 81, 63 p. Available at: <https://www1feb-uva.nl/aias/81-3-3-1.pdf> (accessed: 09.10.2024)
55. Kosyakova, Yu., Yastrebov, G., Yanbarisova, D., Kurakin, D. (2016). [The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii =*

- The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19, no. 5, pp. 76-97. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29304953_32370583.pdf (accessed: 09.10.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
56. Kovalenko, M., Mortelman. Does Career Type Matter? Outcomes in Traditional and Transitional Career Patterns. Does career type matter? Outcomes in traditional and transitional career patterns. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 85, no. 2, pp. 238-249, doi: 10.1016/j.jvb.2014.07.003
  57. Prakhov, I.A. (2015). Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 1, pp. 88-117. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/77gub0xl3h/147327077.pdf> (accessed: 09.10.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
  58. Khavenson, T.E., Chirkina, T.A. (2019). Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17, no. 4, pp. 539-554, doi: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554 (In Russ., abstract in Eng.).
  59. Duta, A., Wielgoszewska, B., Iannelli, C. (2021). Different Degrees of Career Success: Social Origin and Graduates' Education and Labour Market Trajectories. *Advances in Life Course Research*. Vol. 47, article no. 100376, doi: 10.1016/j.alcr.2020.100376
  60. Maloshonok, N., Shcheglova, I., Vilkova, K., Abramova, M. (2022). Gender Stereotypes and the Choice of an Engineering Undergraduate Program. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 3, doi: 10.17323/1814-9545-2022-3-149-186 (In Russ., abstract in Eng.).
  61. Cheng, S. (2014). A Life Course Trajectory Framework for Understanding the Intracohort Pattern of Wage Inequality. *American Journal of Sociology*. Vol. 120, no. 3, pp. 633-700, doi: 10.1086/679103

Acknowledgement: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Scientific Foundation (project No. 22-18-00533).

The paper was submitted 10.10.2024

Accepted for publication 11.11.2024

Пятилетний импакт-фактор
РИНЦ-2022, без самоцитирования

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	3,686
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,668
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,415
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	2,302
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	1,678
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1,544
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,329
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,623
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,609
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,470
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	0,229
ПЕДАГОГИКА	0,005